

ГУН ЦИНЦИН¹

ФЕНОМЕН ДОНКИХОТСТВА В ПРОЗЕ ЛУ СИНЯ И В. С. МАКАНИНА

В статье анализируется феномен донкихотства в повести «Подлинная история А-кью» Лу Синя и «Предтеча», «Погоня» и «Антилидер» В. С. Маканина, сопоставляется развитие образа Дон Кихота в китайской литературе и в русской литературе XX века.

Ключевые слова: Сервантес, донкихотство, проза, Лу Синь, В. С. Маканин, интертекст.

«Донкихотство» — своего рода философское понятие, восходящее к образу Дон Кихота, который в свою очередь рассматривается многочисленными исследователями как архетип человеческой природы, воспринимается как психологическая категория. Понятие «донкихотство», в современном общепринятом толковании, характеризуется следующими особенностями: «во-первых, это поведение, образ жизни донкихота — благородного и прекрасногодушного человека-мечтателя, стремящегося приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов; во-вторых, оно употребляется как символ благородства и прекрасногодушия, стремления приносить пользу людям во имя неосуществимых идеалов» [7].

Причина, по которой роман «Дон Кихот» стал мировой классикой, с одной стороны, заключается в том, что в нём поставлена не решаемая вечная проблема: противоречие между идеалом и реальностью. Это противоречие является первостепенным для духовной жизни человечества. Сервантес облекает это противоречие в яркую литературную форму, так что каждое последующее поколение открывает для себя эту проблему. С другой стороны, Сервантес написал роман «Дон Кихот» в начале XVII века и, можно сказать, стал человеком, положившим начало современной художественной литературе. Такие литературные приёмы, как столкновение реальности и воображения, сочетание серьёзности и юмора, заключение рассказа в рассказ, точность деталей и гиперболизации, приобретают современное звучание именно в этом романе; поэтому он и оказал столь значительное влияние на испанскую, европейскую и мировую литературу. В данной статье анализируется феномен донкихот-

¹ Гун Цинцин — аспирантка филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); qingqinggong@mail.ru

ства в произведениях «Подлинная история А-кью» Лу Синя и «Предтеча», «Погоня» и «Антилидер» В. С. Маканина, рассматривается развитие образа Дон Кихота в китайской и русской литературах.

Ролан Барт дал классическое определение интертекста: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах»: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [Цит. по: 5, 3]. В трудах А. И. Новикова, разрабатывающего эту проблему в психолингвистическом аспекте, описаны пятнадцать видов психологической реакции реципиента письменного текста, составляющих текст: ассоциации, вывод, визуализация, генерализация, интертекст, инфикация, констатация, мнение, ориентировка, оценка, перевод, предположение, прогноз, перефразировка, свободный ответ [см.: 3]. По данным А. И. Новикова, при восприятии художественного текста первое место принадлежит переводу текста, второе — оценке, поэтому читатель играет очень важную роль в определении авторского сознания.

Лу Синь (настоящее имя Чжоу Шужэнь; 1881–1936) — китайский писатель, оказавший большое влияние на развитие литературы и общественно-политической мысли Китая первой половины XX века, в свою очередь творчески формировался под воздействием «Дон Кихота». Среди пионеров нового литературного движения именно он испытал наибольшее влияние Сервантеса.

Согласно сохранившимся свидетельствам, в 1908 году, когда Лу Синь и его брат Чжоу Цзожэнь учились в Японии, они читали «Дон Кихота» на немецком языке. Позже связь братьев Чжоу с романом стала ещё теснее. Статью Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» впервые перевёл на китайский язык Цао Цзинхуа, а Лу Синь её отредактировал. В 1918 году Чжоу Цзожэнь в книге «Литература европейской истории» отметил: «Сервантес показывает народу, что старая идея не подходит к новому миру. Хотя ироническое изображение Дон Кихота связано с конкретным временем, оно касается вечной проблемы. Эта книга вечно является новой, она никогда не утратит своей ценности. В книге раскрыт конфликт между реальностью и фантазией. Дон Кихот терпит неудачу, но его дух остаётся в памяти надолго». Ссылаясь на точку зрения Тургенева, Чжоу Цзожэнь отметил, что Дон Кихот и Гамлет в развитии человеческой культуры дополняют друг друга.

В 1930-х годах выходит четыре издания «Дон Кихота» — все они представляют собой перевод с немецкого на китайский. В 1978 году известный учёный и переводчик Ян Цзянь впервые перевела «Дон Кихота» с испанского языка. Её перевод получил признание в мировой литературе.

В 1930 году Лу Синь, используя японский перевод пьесы А. В. Луначарского «Дон Кихот освобождённый», взялся за перевод её на китайский язык. В 1928 году он предложил Юй Дафу перевести статью «Гамлет и Дон Кихот» с немецкого языка и содействовал её публикации.

Опираясь на идею противостояния идеала и реальности, Лу Синь поймал основную черту духа Дон Кихота. С одной стороны, он стремится к идеалу, с другой — путает фантастический мир с реальным. Лу Синь считает, что

ошибка Дон Кихота заключается в его несостоятельной идее, которой подчинено всё его поведение. Разрабатывая негативный аспект личности Дон Кихота, Лу Синь создал образ А-кью, для которого самообман становится духовным анестетиком.

«В Вэйчжуане А-кью жил в храме Бога земли (храм в честь местного бога-покровителя), он не имел ни семьи, ни определённых занятий — был простым подёнщиком. Нужно было жать пшеницу — он жал; нужно было очищать рис — очищал; нужно было грести — грёб» [1, 112]. Он действительно чувствовал себя незначительным, с помощью самообмана вытесняя из сознания неудачи и подневольное положение. Имя А-кью стало почти синонимом понятия «духовной победы» — концентрированного выражения слабости китайского национального характера в начале XX века. Китайский народ к тому времени давно привык к самообману, погружению в иллюзии, боялся столкнуться с объективной реальностью, пусть даже это делало его рабом этой реальности. В эпоху, когда в Китае начинается процесс самопознания, Лу Синь добивается того, чтобы читатель соотнёс себя с героем. Хотя между А-кью и Дон Кихотом существует много различий — среда, социальный статус, мышление, поведение, жизненный опыт, но с точки зрения характера, судьбы, речи и даже эстетического подтекста, социальной значимости и т. д. они похожи.

В свою очередь, сходство персонажей Маканина с Рыцарем Печального образа проявляется скорее в структуре, чем в содержании. Ориентируясь на определённые принципы сюжетосложения, Маканин заимствовал у Сервантеса сюжетную — «донкихотовскую» — ситуацию.

В образах Маканина, обладающих чертами Дон Кихота, парадоксально сосуществуют глупость и эрудированность, абсурдность и доброта, смелость и неприспособленность. Так, в повести «Предтеча» «Якушкин — это, если воспользоваться выражением Достоевского, “тип из коренника”». Но есть для него и другие параллели, на домашней почве — для его правдоискательства и космической веры в благо “природу”, для его убеждённости в силе совести, “именуемой также интуицией”, и готовности “воплотить задуманное коллективистское общество на путях самосовершенствования» [4, 613–614].

В повести Маканина интертекст не только является пространством диалога между автором и читателем, но и отсылочным кодом, на который читатель реагирует. Так, интертекстуальные модели в повести «Погоня» разделяют на две системы. Первая — это система отсылок к Библии, другая — это система отсылок к текстам мировой литературы. Поведение Семёна Разина рождает множество ассоциаций, связанных с мотивом безумия, и самый типичный образ безумия — Дон Кихот из «Хитроумного идалго Дон Кихота Ламанчского». Это отсылка закладывалась автором сознательно. Пафос действий Разина похож на пафос действий Дон Кихота. Некий старик оставил спекулянтке Светику икону, которая стоит 15 000 рублей. Светик верит в то, что образ Богоматери принесёт ей счастье. Светик полагала, что для семейного счастья нужны большие деньги. После того как Светик вышла замуж за Семёна Разина, они купили четырёхкомнатную квартиру, новую машину. Но после женитьбы застенчивый Семён стал Степаном Разиным, часто дарил большие суммы денег приятелям — обаятельным людям и приводил этих обаятельных людей в дом для пьянства. «Он подбирает беспалых кошек, изгнанных и голодных собак. Он тащит их в дом. Он их кормит. <...> Где-то

у метро он подобрал ворону с перебитым крылом. Теперь ворона долбает клювом кошек, летает кое-как по пустым комнатам и всюду гадит» [2, 260]. Он бесплатно помогал обаятельным людям устроиться в другом городе, возил незнакомцев во Владимир и Суздаль. И, наконец, у машины отказали тормоза, и их выбросило из машины. Все эти поступки неадекватны и бессмысленны, но цель их благородна. В поведении Разина проявляется мотив аффективного ослепления подобно поведению Дон Кихота.

В «Антилидере» персонаж наделён физическим уродством. Толя Куренков работает сантехником, «в ЖЭКе он считался человеком добродушным, так и не научившимся качать права». Когда рядом с ним появляется кто-то симпатичный и яркий, «он меняется даже физически: смуглеет и ссыхается телом, чувствует жжение в нутре» [4, 615]. Он ненавидит слабость в себе и в окружающих. «Завидует он, что ли, своим валяжным, удачливым противникам или (идейно-бескорыстная форма той же зависти) хотел бы уравнивать всех, поделить поровну достаток и удачу, чтобы никто не выделялся и не превозносился? Но версию зависти, хотя бы и “преображённой”, автор настойчиво отменяет» [4, 619]. Он стремится защитить детскую дружбу, но его героическое поведение смешно и безумно.

В прозе Маканина воплощена идея Тургенева: «повторяем: что выражает собою Дон-Кихот? Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся *вне* отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения и силе жертвы. Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» [6, 109].

Таким образом, донкихотство в китайской и русской литературах, развиваясь, получает разную трактовку. Духовный обман А-кью в произведении Лу Синя воплощает прежнюю слабость китайского народа, в прозе же Маканина превращается в упорное стремление к идеалу и вбирает в себя позитивный дух идеи Тургенева. Вместе с тем статья «Гамлет и Дон Кихот» Тургенева становится как бы культурным мостиком между китайской и русской литературой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лу Синь*. Подлинная история А-кью // Лу Синь. Избранное / Перевод с китайского под ред. Г. Гоца, Л. Делюсина, Д. Мамлеева и др., М.: Художественная литература, 1989. 512 с.
2. *Маканин В. С.* Река с быстрым течением: Повести и рассказы. М.: Моск. рабочий, 1983. С. 260.
3. *Новиков А. И.* Текст и контртекст: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
4. *Роднянская И. Б.* Незнакомые знакомцы // Движение литературы. Т. 1. М., 2006. С. 613–634.
5. *Степанов Ю. С.* «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной концептологии) // Известия РАН. Серия лит. и яз. 2001. Т. 61. № 1. С. 3.
6. *Тургенев. И. С.* Статьи и воспоминания / Сост. А. Д. Шавкута. Вступит. ст. и примеч. С. Е. Шаталова. М.: Современник, 1981. 303 с.
7. Донкихотство // <https://ru.m.wiktionary.org/wiki/донкихотство>